ТРУФАНОВ С.Н.

Курс видеолекций: "Классическая философия"

Часть II

СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Лекция №17 (дополнительная)

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ЛОГИКИ
(продолжение)

Добрый день. Сегодня у нас 17-я лекция, которая является продолжением предыдущей 16-й лекции. В прошлой лекции мы с вами говорили о тех нововведениях последователей Аристотеля, которые они привнести в его учение о фигурах силлогизмов. А в сегодняшней лекции мы рассмотрим те их новшества, которые они разработали в отношении других положений его общего учения об *умозаключающей деятельности* нашего *мышления*.

Чтобы продолжать развивать науку о мышлении последователи Аристотеля могли использовать два источника. Первый источник – это сам предмет исследования, которым является мышление, его познавательная деятельность. Второй – это те знания о нём (мышлении), которые уже были наработаны Аристотелем и содержались в его произведениях. Так вот последователи использовали в основном вот этот второй источник, т.е. уже имеющиеся в наследии Аристотеля знания о мышлении.

Далее – по порядку.

1. Законы мышления

Первое их новшество – это так называемые законы мышления.

В трактате "Метафизика" Аристотель сформулировал три положения, которые последователи назвали позднее **законами мышления**. Это:

- закон исключённого третьего,
- закон тождества,
- закон непротиворечия.

Как мы уже говорили, собственно законом распознавательной деятельности мышления является только один из них. Это **закон исключённого третьего**. Согласно этому закону, воспринимаемый нами предмет либо соответствует данному понятию, либо не соответствует ему. Никакого другого смысла у этого закона применительно к распознавательно-распределительной деятельности мышления нет.

Два других "закона" – *тождества* и *непротиворечия* – являются всего лишь пожеланиями или предписаниями нашего мышления самому себе, что выстраиваемые им умозаключения должны быть тождественными и непротиворечивыми. Но как мышление может выполнить эти пожелания, об этом данные "законы" не говорят ничего.

Вопрос о тождестве и непротиворечивости действий нашего мышления возникает по причине того, что ему приходится выстраивать умозаключения, которые состоят как минимум из трёх компонентов (терминов, членов). А эти компоненты могут быть как тождественными (совместимыми), так и противоречивыми (чуждыми друг другу), случайно оказавшимися в одном умозаключении. Поэтому задача мышления состоит не только в том, чтобы выстроить некое умозаключение, но и в том, чтобы проверить его на качественную совместимость (родство, тождество, непротиворечивость) всех его компонентов друг с другом. Чтобы "кислое" в нём не соединялось с "длинным", а "бузина в огороде с дядькой в Киеве".

Осуществляется такая проверка, как показал Гегель, за счёт использования мышлением не одной, а всех трёх фигур умозаключения наличного бытия. Посредством этих фигур каждый их трёх компонентов (терминов, членов) умозаключения последовательно проходит

через его середину, благодаря чему наше мыслящее Я убеждается в том, что они качественно соответствуют друг другу (родственны, тождественны, непротиворечивы).

Вот как выглядит такая проверка на деле. Например: "Роман – студент. → Студенты обучаются в вузах. → Следовательно, Роман обучается в вузах". Само это умозаключение имеет вид **первой** фигуры. Её *меньшим* крайним термином является *Роман*, *большим* крайним термином – *вузы*, а связующим их *средним* термином – *студенты*.

Посредством *второй* фигуры мышление проверяет качественную совместимость *меньшего* крайнего и *среднего* терминов своего умозаключения. Например: "Студенты обучаются в *вузах*. → Роман обучается в *вузе*. → Следовательно, Роман является студентом". Средним термином в этой фигуре являются *вузы*.

За счёт третьей фигуры мышление проверяет качественную совместимость *большего* крайнего и *среднего* терминов своего умозаключения. Например: "*Роман* обучается в вузе. → *Роман* – студент. → Следовательно, студенты обучаются в вузах". Средним термином в этой фигуре является *Роман*.

Возвращаясь в итоге к первой фигуре, мышление подтверждает свой первоначальный вывод, что оба *крайних* термина данного умозаключения качественно совместимы друг с другом: "Роман является *студентом*. → *Студенты* обучаются в вузах. → Следовательно, Роман обучается в *вузе*". Средним термином в этой основной фигуре умозаключения наличного бытия являются *студенты*.

Вот такая триединая проверка компонентов (терминов, членов) умозаключения на их качественное соответствие друг другу (родство, тождество, непротиворечивость) и должна рассматриваться как собственно **закон** мышления. Закон, который – обратите внимание! – не только указывает мышлению на то, что ему следует делать – проверять термины своих умозаключений на их качественную соответствие, но и показывает ему механизм такой проверки – посредством применения не одной, а трёх фигур умозаключения наличного бытия (качества).

Что же касается законов *тождества* и *непротиворечия*, которые сформулировали последователями Аристотеля, и которые содержатся сегодня в учебниках логики, то их, как мы уже сказали, следует воспринимать лишь как *наставления* нашего мышления самому себе. Собственно, так они характеризуются и самих этих учебниках. Цитирую: "Законы мышления имеют в логике такое же значение, какое в математике имеют аксиомы; они непосредственно очевидны".

Таково первое новшество, которое последователи Аристотеля внесли в его учение об умозаключающей деятельности мышления. Это так называемые "законы" мышления, а именно – *тождества* и *непротиворечия*. Но этих законах столько же смысла, сколько и в требовании к ребёнку "мыть руки перед едой", не показав ему прежде, как это нужно делать.

2. Аксиома силлогизма

Следующее новшество – это так называемая *аксиома силлогизма*. Откуда она пришла? Из "Первой аналитики" Аристотеля. Описывая там первую фигуру силлогизма, Аристотель приводит в пример такое умозаключение: "Если А сказывается обо всех Б, а Б сказывается обо всех В, то А сказывается обо всех В". Этот же и подобный ему примеры он приводит и в других главах своих аналитик.

Последователи Аристотеля взяли этот пример на вооружение и провозгласили его **аксиомой силлогизма**. При этом они несколько преобразовали его, придав ему следующий вид: "Всё то, что утверждается или отрицается по отношению к какому-то классу предметов, то утверждается или отрицается по отношению и к каждой части этого класса".

Эта придуманная последователями аксиома описывает собою принцип строения наших естественных умозаключений. В силу этого она может быть продемонстрирована на множестве различных примеров. Таких, как: "Если А равно Б, а Б равно В, то А равно В". Или: "Если первая вещь находится во второй, а вторая вещь находится в третьей, то первая

находится в третьей". Или: "Признак признака вещи, является признаком самой вещи". Или: "Друг моего друга – мой друг". И т.д.

Само слово "аксиома" означает утверждение, которое должно приниматься без доказательства. Однако в данном случае никакой необходимости в таком бездоказательном принятии данной формулировки нет, поскольку она является вполне объяснимой и доказуемой. Говоря об умозаключении, мы исходим из того, что оно состоит из двух суждений, которые связаны между собой общим выводом. На вопрос: зачем мышление связывает суждения между собой, есть простой ответ. Оно делает это для того, чтобы соотнести воспринимаемый предмет с той общностью, которой он принадлежит.

Истинное понимание любого предмета может быть достигнуто, только через познание той общности, которой он принадлежит. Эта общность может быть *формальной*, т.е. простой совокупностью каких-то схожих предметов, а может быть и *реальной*, т.е. организованной в себе системой. Но и в том, и в другом случае, чтобы связать воспринимаемый нами предмет с его системой, необходимо выстроить умозаключение.

Если руководствоваться таким пониманием сути умозаключений, а задача учебников логики в том, чтобы учить пониманию, а не зазубриванию каких-то "истин", то тогда эта "аксиома силлогизма" становится просто лишней, не нужной. Тем более, что она никак не способствует пониманию нашего мышления, а только усложняет эту задачу.

3. Правила силлогизма

Следующее новшество – это так называемые *правила построения силлогизмов*. В первой главе своей "Первой аналитики" Аристотель описал строение наших естественных умозаключений. Точнее говоря, в ней он только заложил основы этого описания, а в следующих главах дополнил его. Вот как оно выглядит. Мы уже несколько раз приводили его, но здесь придётся повториться.

Простое (совершенное, обычное, нормальное) умозаключение состоит из двух посылок и вывода. Одна из его посылок является б***о***льшей, другая – м***е***ньшей. В каждой из этих посылок имеется по одному *крайнему* и одному *среднему* термину, а также соединяющая их *связка* и частица "*не*". В силу наличия такой частицы "не" связка может быть как положительной, так и отрицательной, что обусловливает возможность трёх модусов умозаключения: *положительного, отрицательного, неопределённого*. Если умозаключение состоит из двух посылок, то оно является *простым*, а если – из трёх и более, то оно является *сложным*.

Последователи Аристотеля взяли это описание на вооружение, но при этом они существенным образом *препарировали* его. Они разрезали это описание на несколько частей (фрагментов) и составили перечень правил (требований), в соответствии с которыми мышление должно выстраивать из этих частей "правильные" умозаключения. Вот как они пишут в своих учебниках: "Силлогизм будет правильным только тогда, когда он будет удовлетворять следующим требованиям". И далее даётся перечень этих требований или правил. Вот они:

1. Во всяком силлогизме должно быть не менее и не более *трёх терминов*.
2. Во всяком силлогизме должно быть не более и не менее *трёх суждений* (посылок).
3. *Средний термин* должен быть представлен в полном объёме хотя бы в одной посылке.
4. Термины, приводимые в посылках *не в полном объёме*, должны и заключении быть не в полном объёме.
5. Из *двух отрицательных* посылок нельзя вывести никакого заключения.
6. Если *одна* посылка *отрицательная*, то и заключение будет отрицательным.
7. Из *двух частных* посылок никакого вывода сделать нельзя.
8. Если *одна* из посылок *частная*, то и заключение должно быть частным.

В большинстве учебников логики приводится *восемь* таких правил, но в некоторых их бывает и меньше. Причём формулируются эти правила не везде одинаково, из-за чего они могут существенно отличаться друг от друга. Поэтому, если мы соберём все имеющиеся формулировки этих правил, то их по факту получится уже не восемь, а больше.

Все эти правила (требования) построения силлогизма были придуманы кем-то и когда-то. По сути своей они представляют собой очередной набор каких-то *предписаний* (команд) для нашего мышления. Здесь можно провести такое сравнение. Взять, например, мужскую рубашку и разрезать её на несколько частей. Потом составить инструкцию, а инструкция – это те же требования, как надо сшивать эти части друг с другом, чтобы в итоге из них получилась рубашка. Вот по такой же схеме появились и эти правила силлогизмов

Получается так, что согласно последователям Аристотеля, наше мышление в ходе своей познавательной деятельности должно руководствоваться не целостным понятием (описанием) умозаключения, а его отдельными фрагментами в виде этих правил. Но правила отличаются от понятия тем, что их можно выполнять и бездумно, по-обезьяньи, тогда как понятие, а понятие – это то, что надо понять, заставляет человека думать. И задача учебников логики состоит именно в том, чтобы учить людей думать, а не зазубривать какие-то неизвестно кем и зачем придуманные правила.

4. Непосредственные умозаключения

Следующее новшество, которое изобрели последователи Аристотеля, это так называемые *непосредственные умозаключения*. Откуда они появились?

Во 2-й и 3-й главах своей "Первой аналитики" Аристотель описывает те простейшие действия мышления, посредством которых оно внутренне преобразует посылки своих умозаключений.

Первым таким действием является *перестановка терминов* в отдельной посылке. Аристотель назвал это действие **операцией обращения**. Например. Мы можем сказать: "Роман изучает науки", а можем сказать наоборот: "Изучает науки Роман".

Второе действие – это *замена* в посылке *связки* с положительной на отрицательную. Аристотель назвал это действие **операцией превращения**. Например. Мы можем сказать: "Роман изучает науки", а можем сказать наоборот: "Роман **не** изучает науки".

Третье действие объединяет в себе оба предыдущих. Это одновременно и *перестановка терминов* в посылке, и *перемена* значения её *связки*. Это действие Аристотель назвал **противопоставлением**. Например. Мы можем сказать: "Роман изучает науки", а можем сказать наоборот: "Изучает науки *не* Роман".

Сами по себе эти действия являются лишь рабочими моментами умозаключающей деятельности нашего мышления. Однако последователи Аристотеля выделили их в отдельную группу и назвали их **непосредственными умозаключениями**. Слово "непосредственные" должно означать видимо то, что эти "операции" осуществляются мышлением в рамках самих этих посылок, не выходя за их пределы

Здесь возникает вопрос: насколько обоснованно такие действия или "операции" мышления были названы умозаключениями? По своему содержанию они никак не соответствуют этому статусу, поскольку умозаключение – это соединение между собой как минимум двух суждений (посылок) с последующим из них выводом. С этой точки зрения признание данных действий мышления как "непосредственных умозаключений" является ничем не обоснованным и вредным. Оно не только не помогает понять умозаключающую деятельность мышления, а, наоборот, только сбивает обучающихся с толку.

5. "Главные формы" суждений

Следующее новшество – это так называемые "главные формы" суждений. Оно имеет особое значение, поскольку на его основе последователи Аристотеля фактически создали

новый раздел его логики, которого не было у самого Аристотеля. Называется этот раздел **силлогистикой**.

Ранее мы уже говорили о том, что в ту эпоху, в которую жил Аристотель, слова *знание* и *познание* означали способность человека распознавать предметы и распределять их по видам и родам. Исходя из такого понимания, Аристотель полагал, что распознавательная деятельность мышления состоит из двух этапов, на которых оно последовательно применяет два сопряжённых между собой, но тем не менее разных умозаключения.

Позднее Гегель в своей "Науке логики" покажет, что познавательная деятельность нашего мышления состоит не из двух, а из трёх этапов, и на каждом из них оно использует по три вида умозаключений. На первом этапе – это умозаключения наличного бытия (качества). На втором этапе – это умозаключения существования (рефлексии). На третьем этапе – умозаключения действительности (необходимости). Всего таким образом наше мышление применяет девять видов умозаключений.

Но Аристотель ещё ничего не знал об этом. Он полагал, что таких этапов только два, и на каждом из них мышление использует только по одному умозаключению.

Посредством *первого* умозаключения, как полагал Аристотель, мышление **подводит** воспринимаемый нами предмет под соответствующую ему родовую общность. Например: "Данный предмет имеет корень, ствол, ветви, лисья. → Корень, ствол, ветви и листья есть у деревьев. → Следовательно, данный предмет является деревом". Благодаря этому умозаключению мышление определяет *родовое имя* предмета.

С помощью второго умозаключения мышление **распределяет** вошедшие в данную общность (род) предметы по особенным группам (видам). Например. "Некоторые деревья имеют белёсый ствол и резные листочки. → Белёсый ствол и резные листочки присущи берёзам. → Следовательно, эти (некоторые) деревья являются берёзами". Другой пример: "Некоторые деревья имеют тёмный ствол и фигурные листочки. → Тёмные стволы и фигурные листочки присущи дубам. → Следовательно, эти деревья являются дубами". Благодаря этому умозаключению мышление определяет видовое имя распознаваемого предмета.

Согласно данной последовательности, Аристотель, в ходе описания каждой своей фигуры, сначала раскрывает её на примере первого – *подводящего* – умозаключения, а затем на примере второго – *распределяющего* – умозаключения. При этом он показывает, что первое умозаключение состоит из двух **общих** посылок и имеет **общий** вывод ("Этот предмет есть дерево)". А второе умозаключение состоит из одной **общей** посылки и одной **частной** посылки, и имеет уже **частный** вывод ("Эти деревья – берёзы"). Вот так сам Аристотель вышел к *общим* и *частным* посылкам умозаключений, а через них, к *общим* и *частным* суждениям, поскольку посылки изначально являются суждениями.

Полагаясь на эти тексты Аристотеля, его последователи сделали свой вывод, что все наши суждения, вне зависимости от их видовых различий, делятся на две главные группы. Они бывают либо **общими**, либо **частными**, и, соответственно, либо **утвердительными**, либо **отрицательными**. Отсюда у них получилось четыре так называемые "**главные формы**" суждений:

- общеутвердительная: "Всем берёзам присущ белёсый ствол";
- общеотрицательная: "Всем дубам не присущ белёсый ствол";
- частноутвердительная: "Некоторым деревьям присущ белёсый ствол";
- частноотрицательная: "Некоторым деревьям не присущ белёсый ствол".

Произведя такое деление суждений, далее последователи задались вопросом. Существует ли какая-либо генетическая связь между этими "главными формами" и естественными видами суждений? Отвечая на этот вопрос, последователи Аристотеля заявили, что найденные ими "главные формы" представляют собой единство количественных и качественных суждений. Аргументацию они приводят такую. В названии этих "главных форм" присутствуют слова "общее" и "частное". И вот наличие этих слов указывает якобы на

их принадлежность к суждениям количества. Кроме этого, в их названии присутствуют также слова "утвердительное" и "отрицательное", которые якобы указывают на принадлежность этих "главных форм" к суждениям качества.

Но эта аргументация является несостоятельной. Содержащиеся в их названии слова "утвердительное" и "отрицательное" указывают не на качественную природу этих "главных форм" суждений, а на их *связку*, которая может быть, как утвердительной, так и отрицательной. А эта связка не имеет никакого отношения к генетике этих суждений, как, впрочем, и всех остальных. Её задача либо соединять, либо разъединять. И ей (связке) абсолютно безразлично в отношении какого предиката она это делает. Будь этот предикат качеством, количеством, именем или оценочным определением.

Содержащиеся в названии этих "главных форм" слова *утвердительное* и *отрицательное* обозначают собой не какие-то особенные формы суждений, а модусы одного и того же суждения: утвердительный и отрицательный. Если бы суждения были только утвердительными или только отрицательными, то в них не было бы никакого смысла. Роль суждений только в том и состоит, чтобы что-то соединять, либо разъединять.

Что же касается наличия в названии этих "главных форм" слов *общее* и *частное*, то это говорит лишь о том, что данные формы относятся к группе суждений количества. В эту группу помимо *общего* и *частного* суждения, входит также и суждение *единичного* вида.

Последовательность участия этих видов количества в познании предметов такова. Сначала с помощью *единичного* суждения мышление фиксирует наличие какого-то отличительного признака (свойства) у *одного* предмета. Например: "Данное дерево имеет хвою". Затем, посредством *частного* суждения оно фиксирует наличие этого же признака у *некоторой* группы предметов: "*Некоторые* деревья имеют хвою". (При этом по умолчанию предполагается и отрицательная форма этого же суждения: "Если *некоторые* деревья имеют хвою, то *некоторые* не имеют её".) И далее посредством *общего* суждения, в котором эти "некоторые" предметы определяются уже как "все", мышление отделяет их от других предметов и даёт им общее имя. Например: "Все те деревья, которые имеют хвою, называются соснами".

Таково участие количественных видов суждений в процедуре познания реальных предметов. И оно говорит нам о том, что истина этих суждений состоит не в их **различии**, а в их последовательном **переходе** друг в друга. *Единичное* суждение выводит нас к *частному* суждению, а частное – к *общему*. В итоге единичное имя каких-то одинаковых (схожих) предметов становится равнозначным их общему имени. Например, мы можем назвать те деревья, которые имеют хвою, "соснами", а можем просто "сосной".

Если руководствоваться таким пониманием суждений количества, а другого в классической логике нет, то предложенное последователями Аристотеля деление всех суждений на четыре "главные формы" (общеутвердительное, общеотрицательное, частноутвердительное и частноотрицательное) следует признать надуманным и не верным в принципе. Фактически здесь не четыре, а только две формы: *общее* суждение и *частное* суждение.

По своему уровню это деление является примитивным. Оно соответствует детскому возрасту мышления, когда у ребёнка формируется способность отличать *б**о**льшее* от *м**е**ньшего*. Только *б**о**льшее* заменяется в названии этих "главных форм" на слово *общее*, а *м**е**ньшее* – на слово *частное*. В самих же этих суждениях *общее* выражается местоимением "все", а *частное* – местоимением "некоторые". А когда эти "главные формы" суждений попадают в состав умозаключений, то они становятся уже либо *б**о**льшими*, либо *м**е**ньшими* посылками. С чего мы и начали этот абзац.

Далее, последователи Аристотеля заявляют также, что эти "главные формы" относятся к ***категорическим*** суждениям. Но и это их утверждение является не верным. *Общими* и *частными* могут быть не только категорические суждения, но и суждения всех других видов, за исключением, пожалуй, только суждений наличного бытия (качества).

Вот как, напомню, выглядит таблица видов суждений в её гегелевской редакции.

1. Суждения **наличного бытия** (качества):
   - положительное,
   - отрицательное,
   - бесконечное.
2. Суждения **рефлексии** (количества):
   - единичное,
   - частное,
   - общее.
3. Суждения **необходимости** (связки):
   - категорическое,
   - гипотетическое,
   - разъединительное.
4. Суждения **понятия** (модальности):
   - ассерторическое,
   - проблематическое,
   - аподиктическое.

Мы сказали, что "кроме суждений наличного бытия (качества)"? Почему? Потому, что познание начинается с чувственного восприятия нами единичных предметов. Мы выделяем единичные предметы из окружающего мира и фиксируем их наличие посредством каких-либо их отличительных (броских) признаков. За счёт этого мы делаем данные предметы достоянием своего мышления. Соответственно и субъектами наших суждений на этом начальном этапе познания могут быть только такие *единичные* предметы.

Что же касается суждений трёх других групп (рефлексии, необходимости, понятия), то их субъектами могут быть как *все* интересующие нас предметы, так и *некоторая* их часть, а также и их *единичные* представители.

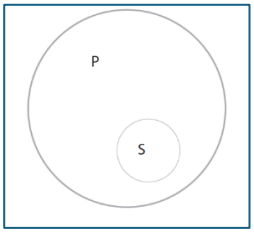
Таким образом, найденные последователями Аристотеля "главные формы" суждений представляют собой, по сути, всего лишь два вида количественных суждений: *общее* и *частное*. А все попытки придать этим "главным формам" какую-то особую значимость, которая возвышала бы их над другими видами суждений, не имеют под собой никаких оснований.

Но, как бы то ни было, последователи Аристотеля стали рассматривать эти четыре "главные формы" суждений как основополагающие для нашего мышления. И опираясь на это, они разработали целый ряд дочерних по отношению к этим "главным формам" суждений новшеств, которые мы далее и рассмотрим.

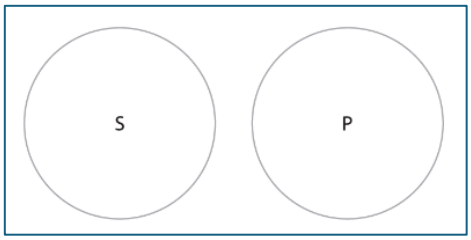
а) Соотношение *субъекта* и *предиката* в "главных формах" суждений

Все суждения, как мы прекрасно знаем, включая и эти "главные формы" состоят из *субъекта* и *предиката*, которые могут различаться по своему объёму. Вот это первое на что последователи Аристотеля обратили своё внимание.

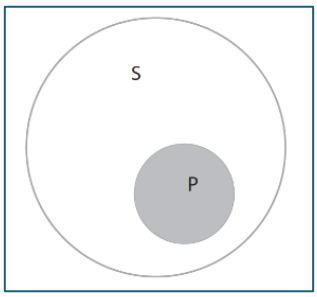
1. Субъект общеутвердительного суждения целиком содержится в его предикате. Например: "Все деревья – растения". Деревья в данном случае являются субъектом сужения (S), а растения – предикатом (P). При этом понятие "растения" шире по объёму, чем понятие "деревья", и потому оно вбирает его в себе. Вот как это выглядит на схеме.



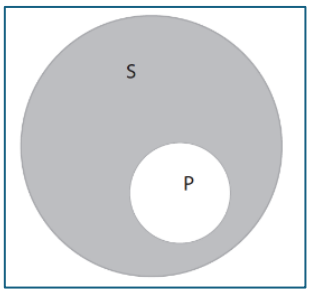
2. В общеотрицательном суждении субъект и предикат вообще не пересекаются между собой, поскольку они изначально исключают друг друга. Например: "Деревья не есть животные". Деревья – это деревья, а животные – это животные. Вот как это выглядит на схеме.



3. В частноутвердительном суждении субъект и предикат с необходимостью пересекаются друг с другом. Например: "Некоторые деревья являются хвойными". Субъектом здесь являются деревья, а предикатом хвойные. Субъект (деревья) шире по объёму предиката (хвойные) и потому вбирает его в себя.



4. В частноотрицательном суждении мы имеем тоже самое соотношение, что и в частноутвердительном суждении, только с исключением из субъекта его предиката. "Некоторые деревья не являются хвойными"



Вот такие виды (варианты) соотношения субъекта и предиката в "главных формах" суждений обнаружили последователи Аристотеля.

б) Сравнение "главных форм" суждений между собой

Далее последователи Аристотеля перешли к сравнению самих этих "главных форм" суждений друг с другом. Но прежде, чтобы облегчить себе работу, они дал и им буквенные **обозначения**.

Общеутвердительное суждение они обозначили буквой **A**. И не случайно. Эта буква является первой гласной в слове **a**ffirmo – "утверждаю".

Частноутвердительное суждение – буквой **I**. Это вторая гласная в слове aff**i**rmo.

Общеотрицательное суждение – буквой **E**. Она является первой гласной в слове n**e**go – "отрицаю";

Частноотрицательное суждение – буквой **O**, которая является второй гласной в слове neg**o**.

Те суждения, которые имеют однородное содержание, последователи Аристотеля назвали **сравнимыми**. Например: "Все школьники изучают математику". "Некоторые школьники не изучают математику". А те суждения, содержание которых не однородно, они называли **несравнимыми**. Например: "Все школьники изучают математику", "Некоторые спортсмены не являются мастерами спорта".

Далее последователи разделили *сравнимые* суждения на **совместимые** и **несовместимые**. Совместимые – это те, которые, могут быть одновременно истинными. Например: "Некоторые люди – женщины", "Некоторые люди – мужчины". А несовместимые – это те суждения, которые не могут быть одновременно истинными. В них истинность одного суждения противоречит истинности другого. Например: "Все люди смертны", "Некоторые люди не смертны".

Затем последователи выявили три варианта соотношения *совместимых* суждений друг с другом.

Первый вариант – это **эквивалентность**, т.е. *полная совместимость* суждений. Если выразить эту эквивалентность посредством закреплённых за "главными формами" суждений букв, то она будет выглядеть следующим образом: A – A, E – E, I – I, O – O.

Второй вариант – **субконтрарность**, т.е. *частичная совместимость* суждений: I – O.

Третий вариант – это **субординация**, т.е. *подчинение* суждений: A подчиняет I, E подчиняет O.

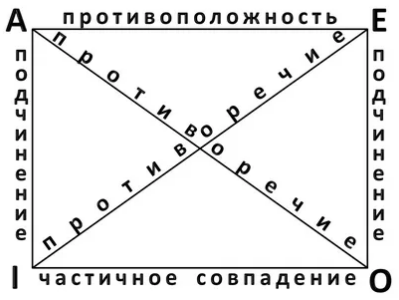
В довершение последователи указали два варианта соотношения **несовместимых** суждений.

Первый – **контрарность** (противоположность): A – E.

Второй – **контрадикторность** (противоречивость): A – O; E – I.

в) Соотношение "главных форм" суждений по правилам *логического квадрата*

В целях наглядного выражения найденных ими вариантов соотношений "главных форм" суждений, последователи Аристотеля придумали так называемый "логический квадрат". Причём придумали его уже давно, ещё в начале нашей эры. Вот как он выглядит.



A – общеутвердительное суждение.

I – частноутвердительное суждение.
E – общеотрицательное суждение.
O – частноотрицательное суждение.

Вершины этого квадрата, которые обозначаются буквами A, E, I, O указывают на "главные формы" суждений и отношение их **эквивалентности** (полной совместимости): A – A, E – E, I – I, O – O.

Его горизонтальные линии выражают отношение **контрарности** (противоположности) A – E и **субконтрарности** (частичного совпадения) I – O "главных форм" суждений.

Диагонали квадрата выражают отношение **контрадикторности** (противоречивости) "главных форм" суждений: A – O, E – I.

Вертикали характеризуют отношение **субординации** (подчинения) "главных форм" суждений, где суждения I и O являются подчинёнными по отношению к суждениям A и E.

Далее. Отталкиваясь уже от этой графической схемы, последователи Аристотеля сформулировали так называемые **правила** логического квадрата. Вот они.

Если A истинно, то E ложно, O ложно, I истинно.
Если E истинно, то A ложно, I ложно, O истинно.
Если I истинно, то A неопределённо, O неопределённо, E ложно.
Если O истинно, то E неопределённо, I неопределённо, A ложно.
Если A ложно, то E неопределённо, I неопределённо, O истинно.
Если E ложно, то A неопределённо, I истинно, O неопределённо.
Если I ложно, то A ложно, E истинно, O истинно.
Если O ложно, то A истинно, E ложно, I истинно.

В дополнение к этим правилам они придумали ещё соответствующие им (правилам) **выводы**. Таких выводов много, мы их рассматривать не будем.

Здесь возникает вопрос: помогает ли хоть как-то этот логический квадрат понять, как действительно работает наше мышление, как оно познаёт предметы и как выстраивает их понятия? Ответ: нет, не помогает. Этот квадрат позволяет лишь немного поупражнять наше мышление, заставить его слегка поработать. И не более того.

г) Соотношение "главных форм" суждений в составе *простых силлогизмов*

Простой силлогизм, как мы знаем, состоит из двух посылок. Сообразно этому последователи Аристотеля записали четыре исходных варианта сочетаний "главных форм" суждений, в начало которых (сочетаний) они положили общеутвердительное суждение (A). Вот эти варианты: AA, AE, AI, AO.

Но поскольку силлогизм (умозаключение) состоит не только из посылок, но и из вывода, то далее последователи добавили к этим четырём вариантам ещё и "вывод" в виде соответствующей буквы. А таких букв может быть четыре: A, E, I, O. Поэтому последователи взяли каждый из 4-х вариантов 4 раза и присоединить к ним по одной из этих букв: A, E, I, O.

В результате у них получилось 16 вариантов сочетания "главных форм" суждений в составе простых силлогизмов. Вот они:

AAA, AEA, AIA, AOA,
AAE, AEE, AIE, AOE,
AAI, AEI, AII, AOI,
AAO, AEO, AIO, AOO.

Тоже самое они проделали и с тремя другими группами сочетаний "главных форм" суждений в простых силлогизмах. В первой группе, как мы видели, в начало этих сочетаний они положили букву **A** (общеутвердительное суждение). Во второй группе таким началом они сделали букву **I** (частноутвердительное суждение). В третьей группе – букву **E**

(общеотрицательное суждение). В четвёртой группе – букву **О** (частноотрицательное суждение). В результате у них получили четыре группы по 16 сочетаний, а всего **64** сочетания "главных форм" суждений в простых силлогизмах.

Далее последователи решили проверить эти 64 сочетания на их соответствие правилам построения силлогизма. Тем самым ***восьми*** правилам, о которых мы говорили выше. Например. Первое из составленных ими сочетаний – ААА – **не противоречит** всем восьми правилам, поэтому оно является *правильным* сочетанием. Второе сочетание ААЕ противоречит **шестому** правилу, а потому оно является *не правильным* сочетанием. Третье сочетание ААО также противоречит **шестому** правилу, поэтому оно тоже является *не правильным*. И т.д. по каждому из 64-х сочетаний.

В результате они пришли к выводу, что из 64 сочетаний правильными оказались только **11**: ААА, ААI, АЕЕ, АЕО, АII, АОО, ЕАЕ, ЕАО, ЕIО, IАI, ОАО.

д) Соотношение "главных форм" суждений с учётом *расположения среднего термина* в фигурах силлогизмов

Далее последователи Аристотеля усложнили себе задачу. Они решили принять во внимание ещё и расположение среднего термина в фигурах силлогизмах. Не будем забывать, что фигуры силлогизмов различаются между собой именно расположением их среднего термина. Вот как это выглядит на таблице.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
B → A	A → **B**	**B** → A	A → **B**
C → **B**	C → **B**	**B** → C	**B** → C
---	---	---	---
A → C	A → C	A → C	A → C

Они взяли ранее найденные ими 11 правильных сочетаний "главных форм" суждений и четырежды поменяли расположение их среднего термина. В результате у них получилось **44** сочетания.

Затем они проверили и эти 44 сочетания на их соответствие правилам построения силлогизмов. В итоге пришли к выводу, что правильными из них являются только **19** сочетаний. Вот эти 19 сочетаний они назвали **правильными модусами** силлогизмов. Но не будем забывать! Речь в данном случае идёт не обо всех видах силлогизмов, а только об их "главных формах". А говоря точнее, речь идёт только о тех умозаключениях, которые выстроены из этих "главных форм" суждений.

Вот как эти 19 правильных модусов распределились по четырём фигурам.

Фигура 1	Фигура 2	Фигура 3	Фигура 4
ААА	ЕАЕ	АII	ААI
ЕАЕ	АЕЕ	IАI	АЕЕ
АII	ЕIО	АII	IАI
ЕIО	АОО	ЕАО	ЕАО
		ОАО	ЕIО
		ЕIО	

Далее последователи придумали довольно забавную вещь. Они посчитали, что все те, кто изучают логику, должны знать эти 19 модусов **наизусть**! И дабы облегчить им труд их запоминания, последователи сочинили целое стихотворение на латинском языке.

Barbara , Celarent , Darii , Ferioque prioris;
Cesare , Camestres , Festino , Baroko, secundae;
Tertia *Darapti , Disamis , Datisi , Felapton , Bokardo , Ferison* habet;
Quarta insuper addit *Bramantip , Camenes , Dimaris , Fesapo , Fresison.*

Смысл этого стихотворения состоит в том, что каждое его слово, из числа тех, которые начинаются с заглавной буквы, обозначает собой один из 19 правильных модусов силлогизма, порядок посылок в котором, можно определить по гласным буквам этого слова. Например, первое слово – B**a**rb**a**r**a –** означает модус первой фигуры, в котором обе посылки и заключение представляю собой общеутвердительные суждения: ААА. Второе слово – C**e**l**a**r**e**nt – означает, что в этом модусе первая посылка является частноотрицательной, вторая – общеутвердительной, а вывод – частноотрицательным: ЕАЕ. И т.д.

Вот так, по мнению последователей, можно легко и просто разобраться в том, как работает мышление человека. Достаточно лишь выучить это стихотворение. На деле же разобраться в этом столпотворении сочетаний "главных форм" суждений, не просто даже хорошо подготовленному в логике человеку.

е) Соотношение "главных форм" суждений с учётом *правил фигур* силлогизмов

Далее последователи обратились к тем вариантам сочетания "главных форм" суждений, которые они должны иметь согласно **правилам фигур** силлогизмов. И первое на что нам здесь следует обратить внимание – это то, как они стали записывать сами правила фигур силлогизмов.

Вот запись правила **1-й фигуры:**
- б***о***льшая посылка должна быть А или Е (общей);
- м***е***ньшая посылка должна быть А или I (утвердительной).

Вот запись правила **2-й фигуры:**
- б***о***льшая посылка должна быть А или Е (общей);
- одна из посылок должна быть Е или О (отрицательной).

Вот запись правила **3-й фигуры:**
- м***е***ньшая посылка должна быть А или I (утвердительной);
- заключение должно быть I или О (частным).

Благодаря проделанной работе последователи получили следующую таблицу сочетаний "главных форм" суждений в тех силлогизмах, которые выстроены согласно правилам трёх аристотелевских фигур.

bAr bAr A	cEl A rEnt	dA rl l	fE rl O			Фигура 1 Все большие посылки общие Все меньшие посылки утвердительны
cE sAr E	cAm Es trEs	fEs tl nO	bAr Ok O			Фигура 2 Все большие посылки общие Все заключения отрицательны Одна посылка всегда отрицательна
dA rAp tl	dIs Am Is	dA tIs l	fE lap tOn	bOk Ar dO	fE Ar	Фигура 3 Все меньшие посылки утвердительны Все заключения частные

Всего, согласно этим правилами может быть получено 256 модусов силлогизмов, как правильных, так и не правильных. Но некоторые философы, в числе которых упоминается Лейбниц, полагали, что таких модусов может быть 2048.

И здесь вновь возникает вопрос: кому и зачем нужны эти модусы? Помогают ли они хоть как-то понять, как работает наше мышление? Ответ однозначный: никому они не нужны и никак они не помогают.

ё) Сочетания главных форм суждений силлогизмов *второй и третьей фигур* при *приведении* их к *первой фигуре*

Напомню, что сам Аристотель полагал, что совершенными (простыми) являются только силлогизмы первой фигуры, тогда как силлогизмы второй и третьей фигур являются не совершенными (сложными) и потому они должны быть приведены к силлогизмам первой фигуры. (Этой теме он посвятил 7-ю главу "Первой аналитики".)

Последователи Аристотеля решили не отставать от своего учителя и выяснить, как изменятся сочетания "главных форм" суждений в силлогизмах 2-й и 3-й фигур, если их привести к первой фигуре. Решили и сделали... Составили ещё одну таблицу. Но мы её рассматривать уже не будем, поскольку с учётом того, что мы узнали об этих фигурах в предыдущих двух лекциях, это уже не имеет смысла.

Таковы найденные последователями Аристотеля многообразные сочетания "главных форм" суждений. Перечислим их ещё раз.

1. Соотношение субъекта и предиката в самих "главных формах" суждений.
2. Сравнение "главных форм" суждений между собой: сравнимость, несравнимость, эквивалентность, субконтрарность, субординация, контрарность, контрадикторность.
3. Соотношение "главных форм" суждений в рамках логического квадрата.
4. Соотношение "главных форм" суждений в составе простых силлогизмов.
5. Соотношение "главных форм" сообразно положению среднего термина в фигурах силлогизмов.
6. Соотношение "главных форм" суждений согласно правилам фигур силлогизмов.
7. Соотношение "главных форм" суждений во второй и третьей фигурах при приведении их к первой фигуре.

И весь этот огород сочетаний посвящён только четырём "главным формам" суждений:

- общеутвердительное,
- общеотрицательное,
- частноутвердительное,
- частноотрицательное.

К этим "главным формам" суждений и их многообразным сочетаниям следует прибавить ещё:

- законы логики,
- аксиому силлогизма,
- общие правила построения силлогизмов,
- непосредственные умозаключения,
- учение о четырёх фигурах силлогизмов и их особенных правилах.

И все эти разделы вместе взятые, вкупе с "главными формами" суждений и их всевозможными сочетаниями, образуют содержание отрицательного направления аристотелевской логики, которое получило название **силлогистики**.

На первый взгляд эта *силлогистика* вполне может сойти за науку. В ней вроде бы рассматривается мышление человека и его инструменты. Приводятся какие-то относящиеся к его деятельности схемы и фигуры, законы и правила, формулы и таблицы, и т.д. Но всё это относится не к настоящему мышлению человека, а к какому-то стороннему искусственному мышлению, которое никак не связано с реальным процессом познания.

Эта силлогистика совершенно не объясняет того, как действительно работает наше мышление, как оно познаёт окружающие предметы и выстраивает их понятия. Она содержит в себе лишь варианты того, как наше мышление может поиграться с самим собой, со своими собственными познавательными инструментами. Какие произвольные сочетания и конфигурации оно может выстроить из них.

По этой причине силлогистику нельзя принимать за настоящую науку. Она представляет собой лишь *наукообразную* или *логикообразную* куклу, сшитую из каких-то искусственных псевдо логических правил и схем. То, чему может научить силлогистика, совершенно не соответствует тому, как действительно работает наше мышление.

По этой причине, кстати говоря, одним из самым трудных занятий для авторов учебников логики является поиск необходимых для пояснения приводимых ими конструкций примеров. Предлагаемые ими примеры никак не хотят согласовываться с реальностью. Вот что пишет по этому поводу Г. Гегель: "Изобретённые силлогистикой многочисленные правила невыносимы уже потому, что они весьма контрастируют с естественной природой самих вещей".

Завершая обзор введённых последователями Аристотеля новшеств, из которых сложилось содержание силлогистики, ещё раз назовём её титульные темы, какими они предстают перед нами в учебниках логики:

- законы логики,
- аксиома силлогизма,
- общие правила построения силлогизмов,
- непосредственные умозаключения,
- фигуры силлогизмов и их особенные правила,
- "главные формы" суждений и их многообразные сочетания.

Разрабатывались эти темы по отдельности на протяжении многих веков. А объединены они были видимо только ближе к концу Средневековья. По крайней мере все эти темы уже содержатся в упомянутом учебнике А. Арно и П. Николь, который был издан в 1662 г. А этот учебник, как мы уже говорили ранее, сыграл в дальнейшем роль шаблона для всех последующих учебников логики, включая нынешние.

Не следует думать, что эта силлогистика представляет собой какое-то более-менее сформировавшееся и законченное учение. Нет, она открыта, причём открыта во все стороны. При желании в неё можно что-то добавить, либо, наоборот, убрать. Как всякая бесформенная мякина она безропотно приемлет в себя оба эти действия.

РЕЗЮМИРУЮЩИЕ ВОПРОСЫ ПО ПОВОДУ СИЛЛОГИСТИКИ

Первый вопрос. **Что даёт нам для понимания нашего мышления эта силлогистика**? Ответ: ничего. Все её схемы и правила, фигуры и модусы, и т.д. не имеют никакого отношения к реальной познавательной деятельности нашего мышления.

Однако в учебниках логики эта силлогистика по-прежнему преподносится как некое передовое и необходимое для каждого образованного человека учение. Вот что, например, пишут авторы одного из учебников логики философского факультета МГУ: "Силлогистика отличается значительной простотой, элегантностью и кажущейся самоочевидностью устанавливаемых в ней логических законов, формулировка которых осуществляется почти на естественном языке без использования какой-либо сложной символики. Всё это делает силлогистику наиболее простым и легко доступным средством приобщения учащихся к логическому знанию. И именно потому, начиная с Античности и вплоть до настоящего времени, изучение силлогистики является обязательным элементом логического образования".

Читая эти строки, на ум невольно приходит фраз из фильма "Здравствуйте, я ваша тётя". Там судья Кригс произносит такие слова: "Эта божественная фея оказала мне высокую честь..." и т.д. Правда по факту там оказалась совсем не фея, а переодетый мужчина, к тому же ещё и бомж. Точно также и сии высокопарные слова из приведённой цитаты, которые фактически относятся не к настоящей логике, а к её муляжу.

В прошлые времена, особенно в эпоху Античности и Средних веков эта логикообразная кукла, называемая сегодня аристотелевской силлогистикой, могла использоваться в качестве тренажёра для более-менее образованных людей. На её материале они могли загрузить своё мышление, заставить его немного поработать. Но в настоящее время она даже для этого не годится. Сегодня существуют тысячи способов загрузить наше мышление и заставить его потрудиться.

Второй вопрос. Почему так получилось? **Почему**, образно выражаясь, **гора родила мышь**? Почему за два с лишним тысячелетия философы смогли произвести лишь только то, что произвели, вот эту логикообразную куклу, называемую силлогистикой.

Главной причиной этого стало видимо то, что сам предмет этой науки (логики), которым является собственно мышление человека, на протяжении почти всего этого периода пребывал ещё в неразвитом, незрелом состоянии. Тот всплеск его активности, который пришёлся на эпоху Античности, и который привёл к возникновению философии и зачатков других наук, со временем исчерпал себя и затих. Мышление вновь вошло в спокойное равновесное состояние и оставалось таковым вплоть до Нового времени.

Ранее мы уже говорили о том, что мышление и его деятельность – это одно и тоже. Бездеятельным мышление не бывает. А это значит, что динамика развития мышления людей напрямую зависела от динамики развития всего общества.

В период поздней Античности и Средних веков уровень развития производительных сил в Европе оставался более-менее одинаковым. Господствовало натуральное хозяйство, которое основывалось на природных материалах и физической силе. Применялись ручные орудия труда и простейшие технологии: экстенсивное земледелие, скотоводство, собирательство, охота, рыболовство. Таким технологиям соответствовал и уровень развития ремесленного производства.

Положительных знаний о мире в те времена было мало. Наука как таковая ещё отсутствовала. Основная масса людей была безграмотной. В их головах господствовала религиозная картина мира. Образование, если оно где-то и было, имело религиозный характер. Уровень развития сознания человека ограничивался рамками существовавших тогда отношений господства и рабства (ступенью совместного неравного самосознания). Соответственно и мышление людей было ещё слабо развито и имело догматический характер.

И лишь с приходом Нового времени в Европе постепенно, но по неуклонно стали развиваться средства производства, технологии, науки, образование, искусство, социально-политические отношения в обществе, и т.д. Этот процесс шёл по нарастающей, всё более и более ускорясь. В результате в течении трёх столетий – XVIII, XIX, XX – человечество совершило колоссальный рывок в своём развитии. Всё то, что мы имеем сегодня, всё то, чем мы теперь живём, за счёт чего живём и как живём, почти всё это было создано за эти три столетия.

В соответствии с такой динамикой развития общества развивалось и мышление людей. Оно обогащалось новыми знаниями, раскрыло свой потенциал, приобретало творческий созидательный характер. Если мы сравним мышление человека XVII века и мышление человека XX века, то увидим два совершенно разных трудно сопоставимых уровня.

До наступления эпохи Нового времени мышление людей находилось ещё в свёрнутом, неразвитом состоянии, в состоянии ***в себе***, как выражался Гегель. В силу этого оно мало что могло дать для формирования науки логики. Семя, эмбрион, неразвитое состояние вещи ещё не раскрывают её сущности. Тоже самое было и с мышлением людей. Всё то, что оно в тот период могло рассказать о себе, почти всё это было взято и описано Аристотелем.

Поэтому его последователи обратились именно к логическим произведениям своего учителя и сосредоточили на них своё внимание. Они изучали эти труды Аристотеля, находили в них какие-то важные, как им казалось тогда, ключевые положения (понятия, идеи) науки о мышлении, и отталкиваясь от них стремились развивать его логику далее.

Такой способ обретения новых знаний, когда основным их источником становится не сам познаваемый предмет, а некие книги, в которых уже содержатся знания об этом предмете, может быть назван **гностическим**. (Мы отчасти уже говорили о нём в 4-й и 14-й лекциях).

По такому же гностическому принципу развивалось и христианское богословие. Для отцов-основателей христианской церкви таким основополагающим источником знаний о Боге и сотворённом им мире была Библия. Они изучали её, находили в ней какие-то нуждающиеся в доработке положения, комментировали и дополняли их.

А для последователей Аристотеля – отцов будущих учебников логики – таким базовым источником знаний о мышлении стали его логические произведения, такие как: "Категории", "Об истолковании", "Первая и вторая аналитика", "Топика", "Софистические опровержения".

> Бесспорно, любое новое научное знание должно строиться на основе уже имеющихся знаний. Это так, но только при условии критического отношения к этим знаниям. Гностический же принцип создания новых знаний предполагает догматическое отношение к уже имеющимся знаниям. Он требует не критического, а доверительного отношения к ним.

Вот такой гностический способ развития науки о мышлении и предопределил собой тот результата, к которому пришли последователи Аристотеля. Разработанная ими на базе его логических трудов силлогистика, как мы уже сказали, является всего лишь псевдонаукой. Она представляет собой **логикообразную куклу**, состоящую в основном из оторванных от реального процесса познания искусственных схем и правил мышления.

Однако, говоря об этом, мы ни в коем случае не должны думать, что сами эти последователи Аристотеля были какими-то недотёпами. Для своих эпох они были передовыми мыслителям, которые искренне творили свою науку и столь же искренне верили в то, что все разрабатываемые ими логические схемы, фигуры, правила, таблицы, круги, квадраты, треугольники, и т.д., всё это и есть истинные знания о мышлении, о его способностях и возможностях, какими они себе представляли их на тот момент.

Третий вопрос. **Совместима ли эта силлогистика с положительным содержанием аристотелевской логики**? Об этом положительном содержании мы говорили в 14-й лекции. Его составляют, во-первых, категории, во-вторых, естественные виды суждений и умозаключений.

Что касается категорий, то последователи Аристотеля попросту исключили их из

своего рассмотрения, и соответственно, из учебников логики. Да, в некоторых учебниках логики упоминаются категории, но только упоминаются и не более того.

Что же касается естественных форм мысли – видов суждений и умозаключений, то последователи ввели их в состав своих учебников. Выше мы уже привели таблицу естественных *видов суждений*. А вот как выглядит таблица естественных *видов умозаключений* в её опять-таки гегелевском варианте.

1. Умозаключения наличного бытия (качества):
   - первая фигура,
   - вторая фигура,
   - третья фигура.

2. Умозаключения существования (рефлексии):
   - общности,
   - индукции,
   - аналогии.

3. Умозаключения действительности (необходимости):
   - категорическое,
   - гипотетическое,
   - разъединительное.

Наличие в учебниках логики такого положительного содержания создаёт для их авторов большие трудности. Им приходится как-то совмещать это положительное содержание аристотелевской логики – естественные виды суждений и умозаключений, с её же отрицательным содержанием – силлогистикой. А сделать это не так-то просто, поскольку это два совершенно разных по своему происхождению материала. Положительное содержание имеет естественное происхождение, оно задаётся реальностью. А отрицательное содержание имеет искусственное происхождение, оно просто выдумывается нашим мыслящим Я. И никаких методик их совмещения в учебниках логики нет. Их просто никто не придумал. Поэтому здесь каждому автору приходиться выкручиваться по-своему.

Если бы действовать по уму, то порядок рассмотрения естественных видов суждений и умозаключений следовало бы привязать к последовательности реальной распознавательной деятельности нашего мышления. Но в учебниках аристотелевской логики такого вида его деятельности просто нет. В них основное место занимают силлогистические разделы. По этой причине авторам учебников приходится как бы насильно втискивать естественные виды суждений и умозаключений в искусственные силлогистические конструкции. Тем самым они выворачивают мир наизнанку, подчиняют естественные формы мысли искусственным. Отсюда бьющая в глаза чудовищная корявость и противоестественность приводимых ими примеров.

КАК АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ ЛОГИКА БЫЛА ПРЕОБРАЗОВАНА В ГЕГЕЛЕВСКУЮ "НАУКУ ЛОГИКИ"?

И. Кант и В. Гегель единодушно говорили о том, что аристотелевская логика нуждается в полном преобразовании. Вот, собственно, эту-то работу по преобразованию аристотелевской логики они и проделали совместными усилиями. Начал её И. Кант, а продолжил В. Гегель.

Из двух составных частей аристотелевской логики – а) естественных форм мысли и б) силлогистики – дальнейший интерес представляли только естественные формы мысли – виды суждений и умозаключений. Почему они? Потому что именно с их помощью наше мышление познаёт предметы и формулирует их понятия.

Однако использует эти естественные формы мышление не на напрямую, а посредством категорий. Это значит, что между нашими суждениями о познаваемых предметах, и самими

этими реальными предметами незримо присутствуют категории. Они указывают нашему мыслящему Я на ту фактуру познаваемых предметов, ориентируясь на которую оно должно познавать их и выстраивать их понятия. На это обстоятельство, что используемые нашим мышлением виды суждений напрямую связаны с категориями, указал И. Кант в своей "Критике чистого разума".

При этом И. Кант исходил ещё из того, что сами категории являются лишь субъективными (априорными) формами нашего мышления, что они, проще говоря, даны нашему мышлению от рождения. Эту ошибочную точку зрения исправил в дальнейшем Гегель. Он показал, что категории имеют объективное происхождение, в том смысле, что они являются всеобщими признаками предметов. Все реальные предметы и образуемые ими системы обладают *количеством* и *качеством*, *формой* и *содержанием*, имеют *единичное*, *особенное* и *всеобщее* значение, и т.д. Вот эти всеобщие признаки предметов, мыслимые в их чистоте, и являются категориями. И именно поэтому они задают нашему мышлению направленность его познавательных действий.

Таков был *первый шаг* в деле преобразования аристотелевской логики. И. Кант вернул в неё категории, что является его прямой заслугой.

Вторым шагом стало то, что Гегель ввёл в аристотелевскую логику ещё и **понятие чистого понятия**. Чистое понятие – это то общее, что присуще понятиям всех предметов. Если каждый конкретный предмет имеет своё понятие, то, следовательно, у всех у них (у их понятий) должно быть что-то общее. Вот это общее для всех понятий Гегель и назвал понятием как таковым или *чистым понятием*.

Любой предмет (система предметов) представляет собой нечто целое. Как *целое* он состоит из *частей*, а части из *элементов*. На языке логики целое называется *всеобщим*, части – *особенным*, а элементы – *единичным*. Соответственно, чтобы познать какой-либо предмет или систему предметов, нам надо сначала выявить в нём все его части и элементы, а потом связать их мысленно так, что бы в итоге получилось понимание целого.

Откуда появилось в головах людей это чистое понятие? Оттуда же, откуда пришли и категории. Оно является идеальным отражением принципа системного устройства окружающего нас реального мира. Всё то, что нас окружает, имеет системное устройство. Но понимание этого принципа появилось только в начале XIX в., и далеко не сразу и не у всех. А до этого о нём просто не знали. (Мы говорили об этом в 9-й лекции.)

Третьим решающим *шагом* стало то, что Гегель удалил из аристотелевской логики всю её силлогистику. Причём удалил радикально, не взяв из неё абсолютно ничего. Выше мы цитировали И. Канта, где он призывал освободить логику от учения о фигурах силлогизмов, как от ненужного хлама. Вот, собственно, так и поступил Гегель. Он удалил не только это учение о фигурах, но и всю силлогистику в целом. Удалил их как ненужный хлам.

Таковы три шага, благодаря которым аристотелевская логика была преобразована в "Науку логики" Гегеля. И. Кант вернул в логику категории. В. Гегель добавил в неё чистое понятие и исключил из неё силлогистику. А далее он связал между собой все эти три инструмента нашего мышления – категории, естественные формы мысли и чистое понятие, и выстроил собственно науку о познавательной деятельности нашего мышления.

Её названием – "Наука логики" – он деликатно давал понять, что всё то, что ранее называли логикой, ещё не являлось наукой как таковой. Вот как он сам высказался по этому поводу: "В формировании той или иной эпохи, как и в формировании отдельного человека, бывает период, когда речь идёт главным образом о приобретении и утверждении принципа в его неразвитой ещё напряжённости. Однако более высокое требование состоит в том, чтобы этот принцип стал наукой". Вот только у него логика и стала наукой.

К сожалению, "Наука логика", как, впрочем, и все другие произведения Гегеля, оказалась написана невероятно трудным языком. (О причинах этого мы говорили в 5-й и 8-й лекциях.) Из-за такого трудного языка она на протяжении ещё двух столетий пролежала мёртвым грузом. Её переводили на разные языки, её издавали, её читали, изучали, но её не понимали.

В силу этого продолжала оставаться востребованной аристотелевская логика. Не потому, что она давала какую-то пользу, а потому, что помимо неё других логик не было. Как говорят в таких случаях: "за неимением гербовой...". Вот как описал эту ситуацию ещё сам Гегель: аристотелевскую логику "тащат за собой главным образом из-за смутного чувства, что совершенно без логики обойтись нельзя, нежели из убеждённости, что её содержание имеет хоть какую-то пользу".

В результате получилось так, что на протяжении последних наших столетий одновременно существовали как бы две разные логики – аристотелевская и гегелевская. Аристотелевская логика была действительной, но бесполезной, а гегелевская логика могла бы быть даже очень полезной, но она оставалась непонятной, а значит недействительной. (Действительность – это то, что действует.)

По этой причине в научном сообществе сформировалось представление, что в мире существуют две отличные друг от друга логики: аристотелевская и гегелевская. Но это представление является ошибочным, поскольку обе эти логики являют собой одну и ту же науку о мышлении, только на разных ступенях её развития. Аристотелевская логика – это её начальная ещё не развитая ступень, а гегелевская логика – это уже её зрелая развитая ступень.

> Приверженцам аристотелевской логики грех жаловаться на свою судьбу. Их логике уделялось достаточно много внимания. И то, что она сегодня оказалась не у дел, за это они могут винить только самих себя. Их учебники на 90% состоят из тех ещё архаичных знаний, которые показывают мышление человека таким, каким его представляли себе в эпоху Античного мира и Средневековья, а не таким, каким оно является в наше время.
>
> Чтобы выйти из этой тупиковой ситуации, приверженцам аристотелевской логики надо перейти к "Науке логики" Гегеля. И этот переход будет для них вполне естественным и корректным, поскольку именно "Наука логики" является прямой преемницей аристотелевской логики. Этот переход сделает логику важнейшим учебным предметом, а её преподаватели обретут чувство гордости за свою науку и искреннюю любовь к ней.

ЧТО НАДО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ВВЕСТИ "НАУКУ ЛОГИКИ" В ОБРАЗОВАНИЕ?

Первое, что надо сделать – это переложить её содержание на доступный понятный язык. И эта задача в основе своей уже решена. Ещё в 1999 г. вышла моя первая книга с самоговорящим названием "Наука логики Гегеля в доступном изложении" (5000 экз.). Она прекрасно разошлась и была хорошо принята читателями. В 2003 году этот же вариант доступного изложения "Науки логики" я опубликовал в составе своей второй книги "Грамматика разума" или "Энциклопедия философских наук" Гегеля в доступном изложении" (4000 экз.). А в 2024-25 году я ещё раз переработал этот доступный вариант "Науки логики" и опубликовал его уже в формате данного курса видеолекций (9-13-я, 19-я лекции).

> На протяжении двух столетий в разных странах Европы объявлялось много охотников разобраться с "Наукой логики" Гегеля и со всей его "Энциклопедией философских наук" в целом, и написать комментарии к ним. Но сделать это удалось только нам, здесь, в России, на базе нашего великого и могучего русского языка. Только русский язык смог справиться с этой задачей, тогда как для других языков, включая родной для Гегеля немецкий, она оказалась не по силам. Вот об этом надо знать и этим надо гордиться!

Наличие доступного изложения "Науки логики", это только одна сторона дела. Другая заключается в том, чтобы действительно ввести этот доступный вариант в образовательный процесс. Только так она может войти в научное пространство и стать действительной наукой.

Причём делать это надо безотлагательно, поскольку нас уже вовсю поджимает ИИ. Его появление в жизни людей надо рассматривать как начало вхождения человечества в свой репродуктивный возраст. Оно становится способным порождать нечто подобное самому себе: искусственный интеллект и его материальных носителей (гуманоиды, андроиды, роботы...).

Репродуктивный процесс, в какой бы сфере он не происходил, имеет своей основой принцип тождества, принцип схожести того, кто порождает и того, что порождается. В нашем случае это означает, что для того, чтобы создавать искусственный ИИ, надо сначала разобраться в том, что он представляет собой в своём естественном состоянии. Чтобы творить копию, надо знать оригинал. А единственным в мире произведением, которое действительно описывает то, как работает наше естественное мышление, является "Наука логики" Гегеля. Поэтому ей на роду написано стать наставником для тех, кто работает над созданием ИИ.

И коль скоро у нас уже есть её доступное изложение, то надо не мешкая начинать преподавать её. По крайней мере на тех факультетах и специальностях, которые готовят айтишников. Если эти молодые люди будут получать знания о том, как работает наше естественное мышление, то рано или поздно в их головах появятся и соответствующие решения в отношении будущности ИИ. И не только в плане усовершенствования его творческих возможностей, но и в плане обеспечения контроля за ним. Если мы будем знать по каким лекалам работает ИИ, то нам проще будет отслеживать и контролировать его.

Параллельно с этим – и это **второе** – надо начинать разрабатывать средства защиты нашего естественного интеллекта от ИИ. Каким бы дружественным в идеале не был по отношению к нам ИИ, но его алгоритмы так или иначе будут воздействовать на естественное мышление человека, деформировать его алгоритмы и подчинять их себе.

Главных средством такой защиты должна стать новая модель общего образования, которая должна иметь интеллекто-сохраняющую направленность. Что здесь имеется ввиду?

В 5-й и 7-й лекциях мы уже отчасти говорили о том, что содержание любой науки и, соответственно, учебного курса этой науки, имеет две составляющие. Первая составляющая – это ***позитивные знания*** о той части мира, которую изучает данная наука. К ним относятся описания составляющих эту часть мира предметов, данные наблюдений за ними, результаты опытов, экспериментов, сформулированные на их основе формулы, научные положения, законы, и т.д.

Вторая составляющая – это ***рациональный остов*** данной науки, который состоит из тех понятий, посредством которых она (наука) делает изучаемую её часть мира достоянием нашего мышления. Проще говоря, это те понятия, посредством которых мы эту часть мира мыслим.

Обе эти составляющие неотделимы друг от друга. Чтобы использовать позитивные знания, мышление применяет понятия. А чтобы связывать эти понятия в единую картину мира, оно опирается на позитивные знания.

Но исторически сложилось таким образом, что преподавание практически всех учебных предметов всегда было нацелено на освоение учащимися в первую очередь позитивных знаний. При этом конечно же используется и их понятийный аппарат, но он выполняет лишь вспомогательную функцию, помогает осваивать позитивные знания.

В настоящее время ситуация радикально изменилась. Появился Интернет, который до краёв заполнен позитивными знаниями. И это позволяет существенно сократить объём подлежащих изучению конкретных знаний. Ввести для каждой науки свой "достаточный минимум" таких знаний. За остальными – в Интернете. (Это к тому же даст экономию учебного времени).

Главной же целью общего образования должно стать формирование в головах молодых людей понятийной картины мира. Для этого надо всего лишь перенести акцент в преподавании учебных предметов с изучения их позитивной составляющей, на освоение их рационального остова, их системы понятий.

Этот перенос не потребует никаких глобальных перестроек самой системы образования. Останется всё тот же набор учебных дисциплин, всё таже поурочная система планирования. Поменяется только методика преподавания этих предметов. Главной руководящей нитью при изложении предмета, будет выстраивание относящихся к данной науке понятий в порядке логической преемственности их смысла, где из одного понятия выводится смысл другого понятия, из него – третьего, и т.д. А создавать такую модель можно и нужно на основе "Энциклопедии философских наук" Гегеля.

О необходимости подобной модели образования говорили ещё в советские времена, обосновывая её тем, что у детей следует развивать "понятийное мышление". Стремились, так сказать, растить не "Знайкиных", а "Понимайкиных". Но дальше общих разговоров на эту тему дело тогда не пошло.

В настоящее время модным стало выражение "бесшовное образование". Но таковым оно стало не поэтому, что у нас появились какие-то специалисты, которые действительно способны разработать модель такого образования. А потому, что это выражение – бесшовное образование – обладает эдаким магическим конкурентным флёром. Под него обязательно денег дадут. Результат скорее всего будет самым обычным – "тяп-ляп", но он будет завуалирован этим красивым выражением. И это всем будет приятно.

Если же всерьёз говорить о модели бесшовном образования, то для её создания надо обращаться к "Энциклопедии философских наук" Гегеля. Как мы уже не раз говорили, это единственное в мире произведение, в котором все те понятия, с помощью которых мы осмысливаем мир и передаём друг другу информацию, выстроены в порядке логической преемственности их смысла. Вот на такой основе действительно может быть разработана модель бесшовного образования. (И ничто нам здесь в России не мешает уже сегодня начинать делать эту работу.) А все другие заявки на этот счёт, в которых не предусматривается обращения к системе Гегеля, будут пустой тратой времени и средств.

> Сегодня на фоне эйфории от ИИ, всё чаще раздаются призывы убрать из образования и математику, и физику, и химию, и другие науки, поскольку они якобы человеку больше не нужны. Да, сами эти науки, по крайней мере в тех объёмах, в каких мы их изучаем могут быть и не нужны. Но каждому человеку необходимо иметь **мозги**, необходимо иметь **мышление**, которые иначе, как через изучение физики, химии, математики, и других наук не развиваются.
>
> Надо не предметы убирать из образования, а менять методику их преподавания. Сместить акцент с изучения их позитивной составляющей, на освоение их рациональной составляющей, логики используемых в этих науках понятий.

Внедрение такой рациональной системы образования даст двойной эффект.

Во-первых, он будет способствовать дальнейшему переходу мышления людей со ступени рассудка на ступень разума. (Рассудочное мышление имеет разрозненный фрагментарный характер. Разумное мышление имеет взаимосвязанный системный характер.)

Исторически этот переход начался ещё в XVIII столетии, с появления первых "Энциклопедий", "Системы наук" Хр. Вольфа и "Критики чистого разума". Решающий вклад в этот процесс внёс В. Гегель. В первом томе своей "Энциклопедии философских наук" он показал, как наше мышление выстраивает понятия предметов, а во втором и третьем томах, он показал, как из этих понятий выстраивается целостная картина мира. Во втором томе – картина природы, в третьем томе – картина человечества.

> Реальность разума, и его понятие – это одно и тоже. Понятийная картина мира – это реальность нашего разума, а дерево используемых им понятий – это его понятие. Поэтому понятийная картина мира и дерево понятий нашего разума – это одно и то же. Это и реальность, и понятие нашего разума.

Но поскольку "Энциклопедия философских наук" имела труднодоступную форму и долгое время не поддавалась пониманию, то без неё этот процесс перехода мышления людей

на ступень разума затормозился на многие годы. Теперь же, когда у нас появились её доступные изложения, необходимо продолжить этот процесс. И у нашей страны есть все основания стать лидером на этом направлении.

Во-вторых, внедрение рациональной системы образования будет способствовать формированию у молодых людей их естественного интеллекта и других естественных форм их духа (сознания, самосознания, разума, воли). Причём она будет способствовать не только формированию этих форм, но и их пожизненному закреплению в головах людей. Люди будут знать, как устроены все эти формы (сознание, самосознание, разум, интеллект и воля) и как они работают. И это знание будет служить им защитой от деформирующего воздействия алгоритмов ИИ.

А начинать введение этой модели образования можно и нужно с "Науки логики" Гегеля. Чтобы человек мог оставаться человеком, ему необходимо сохранить своё естественное мышление. А сделать это можно только за счёт знания того, что такое его мышление, как оно устроено и как работает. Мышление – это субстанциональная данность человека. Деятельность всех внутренних форм его духа – сознания, самосознания, разума, интеллекта и воли, основана на мышлении. Потому пока у человека есть мышление, есть и сам человек, а нет мышления, то нет и человека.

Раньше человеку достаточно было просто уметь мыслить, и необязательно было знать, как он мыслит. Теперь же, в связи с появлением ИИ, ему надо не только уметь мыслить, но и знать то, как он, собственно, мыслит, как работает его естественное мышление.

Наличие в головах людей знания о том, как они мыслят, как работает их мышление, становится сегодня ключевым условием для их дальнейшего существования в качестве собственно людей. Отсюда следует, что "Наука логики", нравится это кому-то или нет, приобретает в настоящее время всеобщее и необходимое значение. Её должны теперь изучать все молодые поколения. Не ради любви к философии, а ради сохранения самих себя.

Двести лет назад В. Гегель написал в одной из своих работ такие прозорливые слова: "Наступит время, когда люди почувствуют необходимость в науке, кладущей в своё основание дерево понятий нашего разума". И вот теперь это время наступило.

РЕШЕНИЕ ПРОЦЕДУРНЫХ ВОПРОСОВ

Чтобы ввести "Науку логики" в образование необходимо решить процедурные вопросы. Как мы уже не раз говорили оригинальный текст самой "Науки логики" не годится для её изучения и преподавания. Он слишком сложен и труден для понимания.

Сложен и труден он потому, что Гегель был только строителем своей системы, в том смысле, что свою задачу он видел в том, что бы хотя бы вчерне выстроить само здание этой системы. При этом он прекрасно понимал, что это здание нуждается ещё и в отделочных работах, без проведения которых оно не будет заселено, оно останется безжизненным. Но на эти работы у него уже не было времени. Слишком сложным, трудоёмким и продолжительным оказался сам процесс строительства всей этой системы.

По этой причине, чтобы ввести "Науку логики" в образование, необходимо иметь её доступный вариант. Только на основе такого варианта может быть разработан её учебный курс. И такой вариант, как мы уже сказали, у нас есть. Но чтобы положить его в основу этого курса необходимо решить процедурные вопросы. Надо чтобы наше научное сообщество обсудило этот вариант доступного изложения "Науки логики" и высказало своё мнение, годится он для этого или нет. Проще говоря, требуется провести экспертизу моего доступного варианта "Науки логики" Гегеля.

Если говорить об *общественной* экспертизе, то можно считать, что она успешно состоялась. За прошедшие прочти 30 лет я получил сотни благодарных отзывов на свою книгу ""Наука логики" Гегеля в доступном изложении". И продолжаю получать их до сих пор, в том числе и в виде уже комментариев к этим видеолекциям. Все эти отзывы подтверждают

главное, что: "заявленная в названии книги доступность изложения действительно достигнута, чего никогда в прошлом никому не удавалось".

А что касается профессиональной экспертизы, то её до сих пор не было. Сделать её должны были представители наших официальных философских структур. Но они не пожелали этим заниматься.

> Официальными философскими структурами я называю те, которым государство доверило право представлять его интересы в сфере философии. Таковыми являются в первую очередь Институт философии РАН и философский факультет МГУ им. Ломоносова М.В., а также аналогичные факультеты некоторых других так называемых "ведущих" вузов нашей страны. По крайней мере все ключевые посты в нашем философском хозяйстве находятся под их контролем.

Так вот, за прошедшие 30 лет все представители этих официальных философских структур старательно делали и продолжают делать вид, что никакого доступного изложения "Науки логики" Гегеля никогда не было и они ничего не знают о нём. За все эти три десятилетия ни в одном из контролируемых ими официальных философских журналов ни разу не появилось ни одного упоминания об этой книге ""Науки логики" Гегеля в доступном изложении".

Такому их поведению есть достаточно простое объяснение. За период их "свободного" развития, т.е. начиная с 90-х годов минувшего столетия, сотрудники этих структур довели свою философию до дисперсного состояния. Они наплодили бесчисленное множество совершенно бесполезных узконаправленных исследований. Назначение философии создавать целостную картину мира. Но в этих официальных структурах философия, наоборот, разбежалась на множество обособленных и никак не связанных между собой мелких исследований. А мелкотемье – это профанация философии как таковой.

Образно сравнивая, наша официальная философия представляет собой сегодня птичий базар, где каждый её представитель вроде бы занят каким-то важным делом, но при этом никто никого не слушает и не слышит. К такому удручающему результату представители этой официальной философии пришли благодаря избранному ими ещё в 90-е годы по примеру западных стран либеральному курсу развития.

Внешнее благополучие нашей официальной философии поддерживается сегодня за счёт двух костылей. Первый костыль называется "парадигма". Такое противненькое для философии слово, которое означает, что любая глупость, любая пустышка, которой занимается тот или иной её деятель, это вовсе не глупость и не пустышка, а это его парадигма. Второй костыль называется "толерантность" – тоже не менее противненькое для любой науки слово. Оно означает, что какой бы глупостью и пустышкой не занимался сей деятель, мы тем не менее должны относиться к нему и к его занятию с уважением. Если убрать у нашей официальной философии эти костыли, то она просто рухнет.

> Раньше в советской науке были такие слова, как головотяпство, профанация, надувательство, словоблудие, формализм, очковтирательство, верхоглядство, пустобрёхство, показуха, бездарность, дуракаваляние, и им подобные. И надо отдать должное, эти слова работали, помогали развивать науку. А теперь их нет. Были, так сказать, "дураки и дороги", а теперь "энтузиасты" и "рельеф". И кому такое положение выгодно? Только тем, кто не хочет видеть *науку в себе* и служить ей, а хочет видеть *себя в науке* и пользоваться её благами.

По причине такого состояния официальная философия не способна создать сегодня ничего приличного. Её представители никак не могут написать давно ожидаемый от них учебник философии. Про одну из таких попыток, относящуюся к 2005 г., мы с вами говорили в 6-й лекции. Но воз и ныне там. Они до сих пор продолжают-таки вымучивать этот долгожданный учебник, но у них ничего не получается и не получится. Одно дело плодить мелкотемье, и совсем другое писать учебники философии, которые должны показывать

целостную картину мира. Для этого требуются совсем другие технологии и другие специалисты, которых у этой официальной философии нет. Она их сознательно не развивала и не готовила.

Отсюда становится понятной причина такого дружного неприятия ими гегелевской философии вообще, и её доступных изложений в частности. Пока содержание произведений Гегеля оставалось в труднодоступной форме, то представители этой философии как-то мирились и даже немного кокетничали с ними, что-то там публиковали про философию Гегеля. Но когда негаданно-нежданно для них появились доступные изложения его произведений, то это резко изменило их отношения к нему. Они просто перестали замечать этого величайшего философа.

Эти доступные изложения стали представлять для них реальную угрозу. Они сделали явной ранее невидимую разницу между их собственной философией и гегелевской. Они показали, что принцип их философствования абсолютно противоположен принципу гегелевской философии. У Гегеля мы находим единую взаимосвязанную систему понятий. У официальной философии – простую кучу каких-то узконаправленных тем. "Энциклопедия философских наук" Гегеля создаёт набросок понятийной картины мира, которая одновременно является и деревом понятий нашего разума. А учебники официальной философии могут предложить лишь бессвязную мякину каких-то ничтожных в мировоззренческом плане разделов и тем.

В силу этого, представителям официальной философии нет никакого резона признавать появление доступных изложений произведений Гегеля. Они же умные люди. Они понимают, что если они признают эти доступные изложения, то далее им придётся признать и всю философскую систему Гегеля, со всем её мощнейшим потенциалом и неоспоримыми преимуществами. А это фактически будет означать признание ими своего поражения. Поэтому все эти благородные люди, истинные патриоты нашей страны до последнего будут делать вид, что никаких доступных изложений произведений Гегеля они никогда не видели и не знали.

Надеятся на то, что в этих философских структурах смогут заявить о себе "ум, честь и совесть", наивно. Уж слишком крепки там корпоративные узы. Единственное на что здесь можно рассчитывать – это страх этих людей, их социальный страх. Страх выставить самих себя непрофессионалами, да и просто неумными людьми. Но чтобы этот страх заработал, надо опрашивать каждого из них по отдельности. Причём делать это под микрофон или на видеокамеру.

Ситуация осложняется ещё и тем, что за все эти демократические десятилетия нашей истории, у нас в стране так и не сформировались действительно работающие механизмы конкурентного развития науки. Так и не появились какие-то самостоятельные самодостаточные научные центры, которые могли бы позволить себе иметь собственные оценки, идущие вразрез с оценками столичных "головных" структур.

По этой причине наша российская философия живёт сегодня по нравам фамусовской Москвы: "что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?". В Советские времена роль этой княгини исполнял Идеологический отдел ЦК КПСС. А после его ухода она по нисходящей перешла к этим самым официальным философским структурам, которые, однако, очень быстро научились не делать того, что им лично не выгодно.

Получается так, что профессиональный принцип развития нашей философии не работает. Не выгодно. Конкурентный принцип тоже не работает. Не сложилось. Остаётся только административно-командный принцип, за который нещадно ругали Советскую науку. Но он тогда реально работал. Да, не без ошибок, но работал. На каждом направлении имелись как правило грамотные руководители, которые могли разобраться в качестве суждений, отделить зёрна от плевел, увидеть плодотворную идею среди пустоцвета. А сработает ли этот принцип теперь, в условиях современной России? Вопрос открытый. Судя по описанной нами ситуации, в тех высоких кабинетах, которым поручено курировать нашу философию, относятся пока к ней, как к чемодану без ручки.

> Моя книга ""Наука логики" Гегеля в доступном изложении", сама того не желая, играла на протяжении этих почти тридцати лет роль лакмусовой бумажки. Она показывала реальное положение дел в различных инстанциях нашей отечественной философии. Общий результат неутешителен. Сложившаяся в нашей философии система не втягивает в себя всё то, что ново и необходимо, а наоборот, выплёвывает его, как что-то инородное и неприемлемое для неё.

У нас, у нашей страны, была фора, как минимум в 25 лет. Но из-за бездействия наших официальных философских структур, мы её профукали. Сколько потеряем ещё? Это теперь будет зависеть только от тех, кто ныне курирует нашу отечественную философию.

При этом надо понимать, что те доступные изложения Гегеля, о которых здесь идёт речь, уже давно находятся в свободном доступе и к ним проявляют интерес граждане в том числе и других стран. Чтоб не получилось потом, как в песне В. Высоцкого: "Мы в очереди первые стояли, а те, что сзади нас уже едят".

На этом мы завершаем сегодняшнюю лекцию. В следующей – 18-й – лекции мы рассмотрим так называемые "Неклассические логики XX столетия". И этой лекцией мы завершим наше дополнение к основному курсу. Оно получилось долгим, утомительным, но оно было необходимо, поскольку нам надо было разобраться с логикой Аристотеля, дабы освободиться от презумпции, что помимо гегелевского разума (гегелевского описания разума), существует ещё и какой-то иной его вариант. И вот благодаря этим непростым лекциям мы убедились-таки, что никакого другого учения о разуме, помимо того, который разработал Гегель, нет.

Спасибо за внимание.

10.11.2026 г.